

— Hublot Classic Fusion Aerofusion Chronograph Orlinski Titanium

ставили в дни SIHH в Женеве. Они как раз на руке у моего собеседника: Орлински с удовольствием носит свой хронограф Aerofusion Orlinski в титановом корпусе.

Часы сделаны в его стиле, с корпусом в виде кубистической скульптуры, состоящей из многих граней-фасетов, точно так же, как сделаны почти все его работы. Это напоминает мне пиксели в фотографии — но не на плоскости, а в объеме. Даже те, кто совсем не интересуется современным искусством, хоть раз да видели его скульптуры — на полках художественных магазинов, в салонах, а сейчас и в новой галерее, которую Орлински открыл не где-нибудь, а на улице Фобур Сент-Оноре напротив президентского дворца. Всякий раз, проходя мимо, я машу рукой его медведям, пантерам, крокодилам и, конечно, горилле, которую Голливуд обессмертил под именем Кинг-Конга. Именно его Орлински считает своим духовным двойником.

Открыть в себе Кинг-Конга ему пришлось в 2004 году. Тогда он был богат, занимался недвижимостью, рассекал на Ferrari, а с искусством сталкивался только как коллекционер — собирал в основном работы поп-артистов. Все это ему пригодилось: и бизнес-образование, и предприимчивость, и собираемость, и вкус. Коллекционеры часто разбираются в искусстве лучше искусствоведов, потому что сами за него платят.

Так вот, однажды он забросил свой выстроенный мир, роскошную квартиру, выгодную работу и решил, что хочет быть художником. Он начал обходить

галереи со своей скульптурой под мышкой, красным крокодилом — сделать ее помог знакомый формовщик, а покрасил колеровщик из автосервиса. Орлински было 38 лет. Поздно? Но, в конце концов, Матисс начал в 40. С тех пор он ненавидит художественно-галерейную мафию и не жалеет для нее оплеух в своей автобиографической книге «Как я сломал правила». Стоит ли говорить, что ему отвечают взаимностью. До такой степени, что один из его братьев, поддержанный своим — очень знаменитым — галеристом, даже пытался преследовать его в суде. Суд встал на верную сторону, и с тех пор Орлински — оригинальный мастер буквально по решению суда. — Если бы двери не были заперты, мне не пришлось бы их вышибать, — говорит мне Орлински. — Но тогда я не был бы собой и не стал бы тем, кто я сейчас есть. Я выбрал путь, которым никто не шел, как платформу 9¾ в «Гарри Поттере».

Его девиз — Born Wild. Ему не могут простить успех, с которым он объехал на кривой козе всю сложившуюся иерархию старой Франции. Сын банкира здесь становится банкиром, булочника — булочником, а художники, тем паче успешные, не берутся ниоткуда.

У моего собеседника были другие примеры — он вспоминает прежде всего американца Джеффа Кунса, биржевого трейдера, который решил стать главным художником современности и стал им. Не то чтобы Орлински готов был, подобно американцу, ради славы жениться на порнозвезде. Но он построил идеальную систему, в которой он сам командует своим творчеством и сам себе хозяин. И если хочется, отказывается от места главного французского скульптора, потому что увлекся музыкой. Ночами он записывает электророк и дружит с композиторами и певцами.

На первом этаже его дома сидят его сотрудники, рассылающие его скульптуры по свету. Если вы зайдете в дверь, на которой написано «Take the best fuck the rest», вы увидите тигров и пантер, приехавших с одной выставки и направляющихся на другую, и огромного Кинг-Конга, замотанного парусиной и скотчем с надписью «Осторожно», как будто бы он сейчас порвет пути и пойдет спасать блондинку.

Нет, он не нормальный французский художник. Он готов смириться с тем, что он просто самый успешный.

И тут понимаешь, как нашли друг друга Орлински и Hublot. Швейцарская марка тоже всегда нарушала правила. Создавший ей славу Жан-Клод Бивер добился того, что каждые часы существовали по законам произведения искусства. Он точно так же сумел обойти сложившуюся иерархию и сделать новорожденную марку такой же известной, как гранды XIX века.

Hublot живет так же свободно, по близкой системе коммуникации. Лучшие места, знаменитости, самые громкие события — самые искренние и человеческие отношения. И всегда взаимная польза. Две модели — из полированного титана и голубой керамики с 12-гранным безелем и 24-гранным корпусом познакомят клиентов Hublot с творчеством Орлински. А коллекционные рамы Орлински покажут марку Hublot. Они оба Born Wild.